

БЕЛАЯ МАССА

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

18+

Денис Пожидаев

Белая масса

<https://litres.ru/74054488>

SelfPub; 2026

Аннотация

В умирающем мире Тектов тепло становится последней валютой, а остановка — смертью. Когда в Ширре обнаруживают гигантскую Белую Массу, Сцепка получает шанс на спасение. Прайм-Проходчик Керн ведёт народ к новому источнику Накала, но чем глубже Текты проникают в загадочный объект, тем труднее отличить ресурс от запрета, добычу — от насилия, а выживание — от права брать всё.

Содержание

ГЛАВА 1. СЕРЫЙ ДРЕЙФ	4
ГЛАВА 2. БЕЛАЯ МАССА	21
ГЛАВА 3. КРАСНЫЙ ПЛАСТ	43
ГЛАВА 4. ПЕРЕХОД СЦЕПКИ	60
ГЛАВА 5. ГЛУБИННЫЙ МАРШРУТ	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Денис Пожидаев

Белая масса

ГЛАВА 1. СЕРЫЙ ДРЕЙФ

Ширр скрежетал.

Он никогда не молчал. Даже здесь, под слоями истощённой породы, под рёбрами старых выработок, под бронёй Серого Дрейфа, его трение проходило сквозь всё: через камень, через металл, через хитиновые пластины, через гидравлические сочленения. Ширр не был снаружи. Он был условием существования. Он давил на мир со всех сторон, шевелил газовые пласты, гнал абразивную пыль, кислотные хлопья, ледяные кристаллы и тяжёлые мутные потоки, в которых рождались разряды длиной в тысячи прогонов.

Для Великой Сцепки не существовало пустого пространства.

Мысль о том, что где-то может быть не среда, не материя, не сопротивление, считалась признаком повреждённой Матрицы. Пустота не имела права быть реальностью. Если бур не встречал сопротивления, значит, перед ним был газовый карман, рыхлый пласт, зона низкой плотности, но не отсутствие. Отсутствие называлось Брешью. Этим словом не пользовались без необходимости. Оно было не понятием, а

трещиной в мышлении.

Прайм-Проходчик Керн стоял на краю обзорного выступа над экваториальной выработкой и слушал, как умирает его мир.

Шесть посадочных когтей, покрытых тусклым слоем вольфрама, были вбиты в пористый шлак. Под когтями Дрейф уже не звенел прежней плотностью. Когда-то эта порода отвечала на давление глухим, уверенным низким тоном. Теперь она крошилась сухо, без внутреннего жара, будто в ней давно выгорело всё, что могло держать форму.

Внешняя броня Керна помнила лучшие стирь. На ней сохранились борозды от кислотных ливней, глубокие вмятины после обвалов, следы термальных прорывов, шрамы от старых буровых аварий. Когда-то его контур держал Красный Накал часами, работая в забоях, где плавился инструмент и осыпались своды. Теперь внутренние индикаторы едва удерживались в серой зоне. Топка горела скупно, жадно перебарывая остатки флюкса. Каждый лишний поворот манипулятора требовал расчёта. Каждая долгая фраза тратила тепло.

Керн вытянул вибро-усы вперёд. Тысячи тонких чувствительных нитей на их поверхности дрожали, считывая давление, химический состав, плотность набегающих потоков. Снаружи бушевал Ширр. Внутри остывал Дрейф. Между ними оставалась только упрямая работа Сцепки.

Температура продолжала падать.

Слои Ширра за пределами выработок терлись друг о дру-

га с такой силой, что вдалеке вспыхивали белые разряды. На мгновение они высвечивали край Серого Дрейфа: изъеденный, изломанный, выпотрошенный. Потом всё снова проваливалось в мутную пурпурно-зелёную мглу.

— Давление падает, Прайм.

Голос пришёл по внутренней линии с помехами, в нём скрежетала пыль. Керн медленно развернул корпус. Суставы ответили сухим скрипом. Смазки не хватало давно, но жалоба механизма не имела значения, пока механизм выполнял функцию.

По склону выработки поднимался десятник Гарр.

Его правый буровой манипулятор искрил. Короткие разряды били по затупившемуся наконечнику и тут же гасли, не находя, что прожечь. Охлаждающие клапаны на спине были закрыты наглухо: не потерять ни искры тепла, не отдать Ширру ничего лишнего. Контур Гарра двигался тяжело, но ровно. Он ещё держался. Для седьмой бригады это уже считалось силой.

— Насколько? — спросил Керн.

— Тридцать делений с начала цикла. Мы прошли ещё два прогона по двадцать четвёртому вектору. Я приказал сжечь резервный катализатор, чтобы взять базальтовый щит. За ним должна была быть каверна. Не было.

Гарр остановился в двух прогонах от Керна и опустил вибро-усы. Не только знак подчинения. Знак истощения.

— Пласт пустой, Прайм. Ни тяжёлой жилы. Ни термаль-

ного конденсата. Ни плотного флюкса. Мы стираем инструмент о мёртвый шлак. Седьмая бригада не вытянет смену. У половины Серый Накал. Двое уже жгут технический гель из собственных контуров.

Керн посмотрел вниз.

Там, в глубине, лежала вся история Серого Дрейфа.

Много стиров назад эта масса была богатой. Когда Великая Сцепка впервые загарпунила её в Ширре, первичная кора треснула под бурами, и из разломов ударил жар. В те циклы контуры не экономили движение. Проходчики шли вглубь тысячами. Плавильни вырастали ярус за ярусом. Транспортные штольни гудели от тяжёлых тележек. По желобам текли раскалённые металлы. В резервуарах плескался густой флюкс. Накал был красным, плотным, почти избыточным. Тяжеловесы тогда говорили, что Серый Дрейф станет домом на тысячи эпох.

Керн помнил эти речи.

Он помнил и закон, который был старше любых речей:

Мир есть ресурс. Движение есть жизнь. Остановка есть Креп.

Они выполнили закон до конца. Выкачали ядро. Разобрали тяжёлые металлы. Высушили каверны. Прожгли пласты. Переварили всё, что могло гореть, плавиться, держать тепло, двигать насосы, кормить топки. Серый Дрейф стал сотами пустых шахт, заброшенных резервуаров и холодных плавилен. Теперь он был уже не домом, а скорлупой, которая мед-

ленно остывала под давлением Ширра.

Внизу, между отвесными стенами выработки, темнели Мега-Плавильни. Их трубы раньше выбрасывали белое пламя. Теперь они стояли мёртвыми колоннами. Только в нижних секторах ещё мерцал грязно-оранжевый свет: там сжигали бракованные контуры, старые детали и отработанный мусор, чтобы жилые ярусы не ушли в полное остывание.

— Измените угол бурения на пятнадцать градусов, — сказал Керн. — Перенаправьте гидровзвесь из амортизаторов в охлаждение резаков. Если верхний пласт пуст, идите под него. Донные отложения не исчезают без следа.

Гарр не поднял усов.

— Мы уже идём ниже, Прайм. Там нет сцепления.

— Значит, вы ещё не дошли до плотного слоя.

— Нет. — Гарр сказал это слишком тихо, но линия связи передала слово без искажений. — Мы не режем породу. Мы проваливаемся в отсутствие сопротивления. Металл идёт вперёд, но не получает ответа. Трение падает почти до нуля. Если продолжим, забой может выйти в Брешь.

Керн почувствовал, как внутри топки вспыхнула злость. Не жар силы — короткий, опасный выброс, который нельзя было тратить. Спинные пластины чуть разошлись, обнажив радиаторы. На мгновение они засветились тёмно-красным.

— Не произноси этого в забое.

Гарр замер.

— Бреша нет, десятник. Есть газовые карманы. Есть рых-

лая геология. Есть ошибки расчёта. Но нет отсутствия. Пока существует бур, существует сопротивление. Пока существует сопротивление, существует работа.

— Прайм...

— Возвращайся в двадцать четвёртый вектор. Затяни клапаны. Сними ограничители с вторичных насосов. Пусть седьмая бригада держит вращение, пока у неё есть Накал.

Гарр сомкнул передние манипуляторы у грудной пластины.

— Сплавимся вместе.

— Сплавимся вместе.

Десятник развернулся и пошёл вниз.

Керн смотрел ему вслед, пока серый корпус не скрылся за изгибом отвала. Только тогда красный отсвет на его радиаторах погас. Он снова стал серым.

Он обманул Гарра.

Не в приказе. Приказ был верен. Проходчики должны бурить, пока способны двигаться. Но Керн знал то, что нельзя было произносить в шахте: математика обречённости уже сошлась. Тяжеловес Векс мог издавать сколько угодно указов о Великом Сбережении, мог перераспределять тепло, мог отключать ярусы, мог называть катастрофу временным падением добычи. Но Керн стоял у породы каждый цикл. Он слышал её. Породы больше не было. Был шлак, пыль и холод.

Если Разведчики не найдут новый Дрейф в ближайшие стирь, Сцепка остановится. Не погибнет в битве, не будет

разорвана Ширром, не уйдёт в великом пламени. Просто застынет. Миллионы контуров сомкнутся на последнем Сером Накале и станут частью выработок. Сцепка превратится в собственный памятник.

Из глубины двадцать четвёртой шахты донёсся резкий скрежет.

Керн поднял усы.

Скрежет оборвался влажным хлопком. Затем ударил визг стравливаемого газа. Высокий, тонкий, неправильный. Не обвал. Не лопнувший пласт. Не разрыв трубы.

Звук сломанного контура.

Керн не стал вызывать Гарра. Он оттолкнулся от выступа и пошёл вниз по склону, почти скользя. Задние когти резали мёртвую породу, выбивая искры. Протоколы экономии запрещали такие движения, но протоколы нужны живым.

Мимо проходили заброшенные ярусы. Ржавые буровые станины. Пустые лотки. Разорванные транспортные ленты. Обесточенные насосные узлы. В нишах стояли неподвижные фигуры тех, кто остыл раньше. Их контуры были целы, но внутри уже не осталось Накала. Пыль Ширра и шахтенный конденсат сделали их почти неотличимыми от породы.

Когда Керн вошёл в забой седьмой бригады, работа уже остановилась.

Пятеро проходчиков стояли полукругом. Усы прижаты к панцирям. Инструмент опущен. В воздухе висел запах перегретого масла, холодной кислоты и углеродной гари.

У стены лежал 8-14.

Его буровой манипулятор был вытянут вперёд, наконец-ник упирался в серую поверхность. На породе осталась только неглубокая вмятина. Недостаточная даже для отметки прохода.

Керн подошёл ближе.

Смерть ещё не завершилась.

Топка 8-14-го мигала тусклым оранжевым. Потом оранжевый свет провалился в серый. Контур пытался взять энергию из периферии. Сначала погасли оптические линзы. Затем обмякли малые манипуляторы. Насосы дали последний слабый толчок и остановились.

Внутри гибких сочленений началась кристаллизация.

Керн слышал её. Тихий сухой треск, будто по тонким трубкам росли ледяные иглы. Эластичные связки на ногах отвердели. По хитину пошла сеть микротрещин. Панцирь потускнел. Влага ушла. Температура сравнялась с породой.

8-14 перестал быть Тектом.

Он стал материалом.

Один из бурильщиков заговорил, не поднимая сенсоров:

— Фантомный след флюкса на границе щита. Он решил взять его форсажем. Снял блокиратор. Отдал вращению всё, что осталось. Искра ушла в породу. Обратного ничего не вернулось.

Керн молчал.

У Тектов не было семей в том смысле, в каком слабые

Матрицы из старых сказаний иногда пытались представить связь. Но была Сцепка Бура. Керн знал 8-14-го много стиров. Они вместе вскрывали серные купола. Вместе уходили от кислотного прорыва. Вместе держали свод, когда шестая штольня осела на три деления. Это не называлось скорбью. Скорбь не производила Накал. Но в Матрице Керна возникла тяжёлая, бесполезная задержка, похожая на застрявшую шестерню.

Он убрал её.

— Снимите буровой наконечник, — сказал он. — Кромка ещё годна. Извлечь сервоприводы верхних манипуляторов. Достать блок памяти. Металл отправить в нижнюю плавильню. Остов оставить у стены. Он даст опору своду.

Никто не возразил.

Это было правильно.

Рабочие активировали слабые резак и подошли к 8-14-му. Лучи легли на холодный хитин. Запахло пережжённой органикой и металлом. Контур 8-14-го начали разбирать так же, как разбирали сломанную станину.

Гарр подошёл к Керну. Его усы дрожали.

— Можно вырезать детали из 8-14-го, Прайм. Можно разобрать нас всех. Но кому мы их поставим? У нас у всех Серый Накал. Бригада не вытянет следующую смену.

— Пока контур движется, он работает.

— Нижние ярусы отключают.

Керн повернул голову.

— Кто отдал приказ?

— Векс. Указ пришёл стир назад. Остатки тепла переводят в Главный Штаб и Палаты Управленцев. Формулировка: сохранить ядро цивилизации. Нижние сектора признаны периферийным расходом.

В забое стало ещё тише.

Керн медленно сжал манипуляторы. Его когти скрипнули по собственным пластинам.

— Без Совета Проходчиков?

— Указ Тяжеловеса не требует согласования, если объявлено Великое Сбережение.

Керн поднял взгляд к узкому просвету шахты, где далеко наверху текли мутные слои Ширра. Там должны были быть новые массы. Новые Дрейфы. Новые жилы. Не могла реальность состоять только из истощения. Не могла Сцепка пройти столько стиров, построить плавильни, выучить геологию, приручить бур и насос только для того, чтобы остыть под ногами сытых управленцев.

— Разведчики найдут цель, — сказал он.

Гарр молчал.

— А пока мы во флюксе — мы бурим. Снять пригодное с 8-14-го. Продолжать проходку по двадцать четвёртому вектору. Не форсировать топки без моего приказа. Если пласт проваливается, ставить распорки и идти вдоль границы. Я поднимаюсь в Штаб.

— К Вексу?

— К Вексу.

Гарр сомкнул манипуляторы.

— Сплавимся вместе.

— Сплавимся вместе.

Ответ прозвучал из нескольких контуров сразу — тихо, хрипло, без прежней силы. Но прозвучал.

Керн вышел из забоя и направился к грузовому подъёмнику.

Платформа была старой, грубой, подвешенной на толстых углеродных тросах. Когда она двинулась вверх, весь ствол шахты отозвался длинным скрипом. Керн смотрел вниз, туда, где в сером мраке ещё мигали оранжевые огни седьмой бригады. Маленькие точки Накала. Крошечные остатки сопротивления.

«Да не остынут ваши топки», — подумал он.

Это была старая формула проходчиков. Её не произносили вслух без причины.

Подъёмник прошёл средние ярусы. Жилые соты в стенах были чёрными. В некоторых нишах ещё теплились слабые лампы. В других лежали детали, снятые с тех, кто уже не двигался. На площадках стояли очереди контуров с закрытыми клапанами. Они ждали распределения тепла. Или приказа об отключении.

Керн отвернулся.

В этот момент внешний коммуникатор взорвался треском.

Сигнал пришёл с частоты Главного Сенсорного Узла. Помехи были такими сильными, что аудиомембраны Керна автоматически сжались.

— Прайм Керн! Вы в контуре? Ответьте! Прайм!

Голос Симма. Старший аналитик. Обычно его речь была ровной, сухой, выверенной до частоты. Сейчас она срывалась почти в визг.

— Я в контуре, — сказал Керн. — Сбавь давление на линию, Симм. Ты режешь мембраны.

— Поднимайтесь в Узел немедленно!

— Докладывай по протоколу.

— Протокол не выдержит этого, Прайм.

Керн ударил когтем по панели настройки. Шум стал тише.

— Тогда говори коротко.

На другом конце линии что-то щёлкнуло, зашипело, потом Симм заговорил быстрее:

— Дальние резонаторы зафиксировали массу.

— Мёртвый шлак?

— Нет.

— Газовый мираж?

— Нет.

— Пылевое скопление?

— Нет, Прайм. Масса плотная. Огромная. Идёт в верхних течениях почти параллельно нашему вектору.

Керн не ответил сразу. Слишком много ложных сигналов уже приходило за последние стирь. Слишком много капсул

уходило в Ширр и не возвращалось.

— Состав?

— Я не могу классифицировать. Данные противоречат друг другу. Внешняя структура не похожа на естественную породу. Геометрия слишком ровная. Но главное не это.

Голос Симма дрогнул.

— Она тёплая, Прайм.

Подъёмник дёрнулся и остановился на верхнем ярусе. Перед Керном раскрылись створы. За ними ревел Ширр.

— Повтори.

— Масса держит стабильный Накал. Не остаточный. Не разогретый разрядом. Стабильный. Белый спектр в ядре, красный ореол по краю. На таком расстоянии сигнал пробивает кислотные фронты. Если расчёты верны, внутри неё работает источник энергии масштаба целого Дрейфа.

Керн шагнул с платформы. Ветер ударил в броню. Кислотная пыль зашипела на панцире.

Тёплая масса в Ширре.

Это не укладывалось в привычную геологию. Любой Дрейф без внутренней топки остывал. Любая мёртвая порода принимала температуру среды. Если объект сохранял Накал, значит, внутри него шёл процесс. Если процесс был стабилен, значит, там был ресурс. Не пепел. Не фантом. Не случайная искра.

Ресурс.

— Траектория сближения? — спросил Керн.

— Уходит от нас. Окно перехвата короткое. Если запустить Тяжёлый Гарпун, нужно делать это в ближайшую четверть ритма. Потом поток уведёт массу выше, и мы её потеряем.

— Вероятность?

Симм замолчал.

— Говори.

— Если данные не искажены Ширром — достаточная. Если искажены — мы выпустим последний запас давления в пустой фронт.

Керн посмотрел на ревущую мглу.

Внизу умирали проходчики. В Палатах Векс сохранял тепло для управленцев. Серый Дрейф остывал. Математика снова сошлась, но на этот раз в ней была переменная.

— Готовь гарпуны, — сказал Керн.

— Прайм...

— Отключай всё некритичное в Узле. Переводи давление на пневматические катапульты. Мне нужны координаты, упреждение, плотность фронта и список контуров, способных пережить запуск.

— Вы хотите идти сами?

— Я Проходчик.

— Масса может оказаться не тем, что мы думаем.

— Всё оказывается не тем, что думают Сенсорики. Поэтому существуют буры.

Симм издал короткий нервный треск, похожий на сбой

смехового резонатора, хотя у Тектов не было смеха как функции.

— Я передам запрос Вексу.

— Передай. И скажи ему: если он откажет, я возьму гарпун без его разрешения.

— Это будет мятеж.

Керн посмотрел вниз, туда, где под толщей Серого Дрейфа ещё работала седьмая бригада.

— Нет, Симм. Мятеж — это когда живые спорят о власти. А мы спорим о том, успеем ли остаться живыми.

Он оборвал связь и пошёл к Северному Пику.

Ширр бил по броне, сдирал с неё старую пыль, забивался в сочленения. Керн двигался против ветра, вгоняя магнитные когти в камень. Его собственный Накал был низким. Каждый шаг отдавался тяжестью в Матрице. Но где-то за мутными слоями, за кислотой, за ледяной крошкой, за ревущими фронтами, плыла невозможная тёплая масса.

Если она была реальна, Сцепка получала шанс.

Если нет — их последняя энергия уйдёт в Ширр, и Серый Дрейф остынет быстрее.

Керн не видел в этом выбора.

Выбор появляется там, где есть излишек. У Сцепки излишка больше не было.

Он поднял канал седьмой бригады.

— Гарр.

Ответ пришёл не сразу. В линии хрипела шахта.

— В контуре, Прайм.

— Остановить проходку по двадцать четвёртому вектору.

— Прайм?

— Собери тех, кто ещё держит бур и способен закрыть клапаны на полном давлении. Семь контуров. Только надёжные. Через половину ритма выдвижение к Северному Пику.

— Новый Дрейф?

Керн посмотрел в Ширр.

— Возможно.

На линии стало тихо. Потом Гарр произнёс:

— Седьмая бригада будет готова.

— И ещё, десятник.

— Да?

— Буровой наконечник 8-14-го возьми с собой.

Гарр понял не сразу. Затем ответил глухо:

— Его кромка ещё остра.

— Значит, он тоже пойдёт.

Секунду связь держала только статический шум.

— Сплавимся вместе, Прайм.

— Сплавимся вместе.

Керн закрыл канал.

Впереди, на вершине Северного Пика, уже начали открываться створы пусковой шахты. Где-то внутри старые насосы собирали последнее давление Серого Дрейфа. По корпусу мира пошла вибрация — слабая, но живая. Сцепка готовила бросок.

Ширр скрежетал.

Но теперь в его скрежете Керн слышал не только холод.

Где-то там, за невозможной мглой, была масса, которая не остыла.

И они возьмут её.

Или уйдут в Брешь вместе.

ГЛАВА 2. БЕЛАЯ МАССА

Главный Сенсорный Узел стоял на Северном Пике, в самой высокой точке Серого Дрейфа, где Ширр бил по породе без перерыва. Узел не был построен на скале — он был в неё вживлён. Медные трубы уходили в камень, стеклянные колбы с мутными реактивами дрожали в гнёздах, тысячи натянутых мембран ловили дальние колебания среды. Вся конструкция пульсировала, звенела, шипела и казалась не зданием, а вынесенной наружу вынесенным наружу сенсорным сплетением самого Дрейфа.

Керн добрался до внешнего пандуса уже на низком Накале. Ширр ревел вокруг так плотно, что каждый шаг приходилось вырывать у среды. Магнитные когти входили в базальт, фиксировались, отпускали, снова входили. Кислотная пыль билась о броню и оставляла на хитине мелкие шипящие точки. Оптические диафрагмы сузились почти до щелей, но всё равно свет статических разрядов резал линзы изнутри.

Когда изоляционные створы Узла сомкнулись за его спиной, шум Ширра не исчез. Он стал глухим. Огромное давление осталось за стенами, но скрежет проходил через металл и камень, словно напоминал: никакая оболочка не отделяет Сцепку от среды полностью.

Внутри пахло озоном, перегретым стеклом, старым флюксом и химической гарью. Воздух был теплее, чем в шахтах,

но это тепло не успокаивало. Оно было лихорадочным, рождѣнным перегрузкой приборов.

Симм стоял у центрального кристалла.

Точнее, он почти не стоял. Тонкий контур Сенсорика перемещался вокруг пульта резкими, быстрыми рывками. Его длинные вибро-усы были подняты и разведены в стороны, часть касалась мембран, часть висела над колбами, часть дрожала в воздухе, считывая невидимые колебания. Панцирь Симма был легче, чем у проходчиков, покрыт сетью тонких охлаждающих каналов. На фоне массивного Керна он казался почти хрупким, но сейчас вся лаборатория держалась на его возбужденной Матрице.

— Прайм, — сказал он, не выполнив приветственный жест. — Смотрите.

Керн не стал требовать ритуала. Если Сенсорик забывал о форме, значит, данные были важнее формы.

Над кристаллом висела проекция.

В мире, где почти всё давно стало серым, эта точка казалась нарушением закона. В центре мутной схемы Ширра пульсировало пятно. Оно не просто отражало сигнал. Оно держало собственный Накал. По краям — глубокий красный ореол. Внутри — плотный, почти белый жар.

— Сбой? — спросил Керн.

— Проверено на четырёх независимых мембранах.

— Разряд в газовом фронте?

— Нет. Разряд даёт вспышку и распад. Это держится.

— Пылевая масса, нагретая трением?

— Пылевая масса не сохраняет такую геометрию.

Симм ударил тонким когтем по пульта. Проекция изменилась. Красный ореол потускнел, тепловой слой ушёл, и под ним проявилась форма.

Керн не сразу понял, на что смотрит.

Это была не глыба.

Дрейфы, даже самые плотные, имели естественную хаотичность: трещины, выступы, неравномерное вращение, следы столкновений, наросты, кратеры, пористые края. Эта масса не была такой. Она состояла из вытянутых сегментов, соединённых между собой плавными переходами. Линии повторялись. Радиусы сходились. Изгибы были не случайны. Поверхность не крошилась в показаниях. Не давала рваной геологии. Она будто была собрана по единому замыслу, но замысел этот не имел места в словаре Сцепки.

— Размер? — спросил Керн.

— Больше Серого Дрейфа.

— Насколько?

Симм помедлил.

— В десятки раз.

Керн повернул к нему лицевой щиток.

— Точные цифры.

— Ширр искажает сигнал. Но даже нижняя оценка даёт массу, которой хватило бы, чтобы кормить Сцепку много стиров. Если её внутренний Накал реален, это не просто

Дрейф. Это источник.

Керн снова посмотрел на проекцию. Белая точка билась в мутной среде, словно чужая ошибка в правильной математике гибели.

— Траектория?

— Почти параллельна нашему вектору. Но верхние течения уводят её. Окно перехвата короткое.

— Сколько?

— Меньше четверти ритма до предельной погрешности.

— Почему ты не поднял Векса раньше?

Вибро-усы Симма на мгновение прижались к затылку.

— Я поднял.

Ответ был дан слишком быстро.

Двери Сенсорного Узла раскрылись с тяжёлым лязгом.

В лабораторию вошёл Тяжеловес Векс.

За ним двигались четыре гвардейца с активированными резаками. Их контуры были тяжелее рабочих, но чище, лучше смазаны, плотнее бронированы. Они пахли свежим флюксом и горячим металлом. Керн услышал это сразу — ровный звук сытых топок. В нижних ярусах за такое тепло можно было купить смену жизни.

Векс был шире любого проходчика. Его панцирь наращивали искусственно, слой за слоем, пока его контур не стал похож на ходячую крепость. На пластинах были выгравированы знаки выработок, плавилен, распределительных узлов, которыми он управлял. Броня сияла темным блеском. Спин-

ные клапаны выпускали ровные струи бесцветного выхлопа.

Керн не опустил усов.

— Прайм-Проходчик, — произнёс Векс. — Я получил твой запрос. Тяжёлый Гарпун. Последний запас обогащённого газа. Отключение вторичных систем Узла. Мобилизация седьмой бригады. Всё ради пятна на мембране.

— Ради Сцепки.

— Сцепка не выживает за счёт красивых помех.

— Это не помеха.

— Так говорят все Сенсорики перед тем, как отправить рабочих в Ширр.

Симм не вмешался. Его контур стал почти неподвижен.

Векс подошёл к проекции. Белый Накал отразился в его оптических линзах.

— В прошлый стир три капсулы ушли к похожей аномалии, — сказал он. — Облако пепла. Разогретое. Пустое. Ни одна капсула не вернулась.

— В прошлый стир Серый Дрейф ещё мог позволить себе ошибку, — ответил Керн.

Векс медленно повернулся к нему.

— Осторожнее.

— Сегодня в моей шахте ушёл в Креп 8-14. Не из-за аварии. Не из-за нарушения протокола. Из-за того, что в породе больше нечего взять. Седьмая бригада жжёт собственный гель. Нижние ярусы отключают от тепла. Ты называешь это сбережением. Я называю это медленным демонтажом Сцеп-

ки.

Гвардейцы Векса чуть сместились. Резаки загудели громче.

Керн не посмотрел на них.

— Если мы не выйдем сейчас, через пять ритмов тебе не понадобится власть. Некем будет управлять.

Тишина в Узле стала плотной. Мембраны дрожали от далёкого ветра. Где-то в стеклянной колбе лопнул пузырёк реактива.

Векс не был глуп. Жестокость можно было позволить себе только там, где оставалась математика выгоды. Он смотрел на проекцию долго, слишком долго для существа, привыкшего отдавать приказы быстро.

— Вероятность перехвата, — сказал он.

Симм подался вперёд.

— Если текущие данные не искажены верхними течениями, Гарпун войдёт в гравитационную тень массы. Дальше потребуются ручная коррекция. Объект крупный, но скорость нестабильна. Поверхность неизвестна. Жёсткость неизвестна. Сцепление неизвестно.

— На языке управленцев, — сказал Векс.

— Можно попасть, — ответил Симм. — Можно не удержаться.

Векс перевёл взгляд на Керна.

— А ты?

— Я умею удерживаться.

— Ты умеешь бурить. Не обманывай себя, Прайм. Ширр не шахта.

— Всё становится шахтой, если в него входит бур.

Векс издал низкий скрежет. Возможно, это была насмешка. Возможно, раздражение.

— Хорошо. Я даю тебе Гарпун. Газ. Семь контуров. Одну попытку. Если масса окажется фантомом, назад не возвращайся. Я вычеркну твой номер из Матрицы Сцепки до того, как твой контур остынет.

— Если масса окажется фантомом, — сказал Керн, — возвращаться будет некуда.

Подготовка заняла меньше времени, чем требовал протокол.

Когда умирающий мир получает шанс, он перестаёт быть медленным.

Пусковая шахта Северного Пика ожила. Старые насосы втянули остатки давления из резервуаров. Трубопроводы затряслись. Уплотнители стонали. В нижних секторах погасли вспомогательные линии, в сенсорных залах отключились вторичные приборы, в Палатах Управленцев на несколько делений упала температура. Вся сохранённая энергия Серого Дрейфа стекалась к одной наклонной шахте, где в направляющих лежал Тяжёлый Гарпун.

Он не был кораблём.

Корабль предполагает путь. Гарпун предполагал удар.

Это был заострённый цилиндр из тёмного сплава, тол-

стый, грубый, рассчитанный не на управление, а на столкновение. Внутри — тесная ниша для экипажа, амортизаторы, магнитные фиксаторы, аварийные заряды коррекции. Никакого комфорта. Никакого лишнего пространства. Только броня, давление и воля попасть туда, куда нужно.

У открытого люка стояли Керн, Гарр и ещё шесть проходчиков.

Гарр держал в левом манипуляторе буровой наконечник 8-14-го. Кромку успели зачистить. На ней всё ещё оставалась тонкая серая пыль последней выработки.

— Он пойдёт первым, — сказал Гарр.

Керн кивнул.

Молодой проходчик 9-02 скрежетнул когтями по настилу.

— Прайм, если объект мягкий, мы его пробьём и не удержимся. Если твёрдый — разобьёмся. Если поверхность без сцепления — уйдём в Брешь.

— Если останемся здесь, уйдём в Креп, — сказал Гарр.

9-02 замолчал.

Керн вошёл в Гарпун первым. Внутри было темно и тесно. Проходчики встали в круг, спина к спине, каждый в свой паз. Из стен вышли тяжёлые фиксаторы и сжали их контуры. Гарпун собирал их в единый монолит. Индивидуальное движение больше не имело смысла. Во время запуска выживет только монолит.

Люк закрылся.

Звук внешнего мира исчез. Остались дыхание топок,

скрип фиксаторов, треск внутренней линии связи.

Голос Симма пришёл сквозь броню глухо и искажённо:

— Давление в катапульте критическое. Упреждение рассчитано. Верхние течения нестабильны. Коррекционные заряды готовы. Да не остынут ваши топки.

Гарр ответил первым:

— Сплавимся вместе.

Остальные повторили.

Керн не произнёс формулу. Он смотрел в темноту перед собой, туда, где за слоями металла, за пусковой шахтой, за ревушим Ширром находилась белая точка на проекции Симма.

— Пробой, — сказал он.

Мир ударил.

Сначала Керн почувствовал не движение, а сжатие. Гарпун сорвало с направляющих, и весь его контур на мгновение стал слишком тяжёлым для собственных креплений. Амортизаторы взвыли. Внутренний гель сдавил органы. Линзы потемнели от перегрузки. Затем пришёл звук: не взрыв, а непрерывный рёв, будто Серый Дрейф выстрелил собственной костью в Ширр.

Гарпун вышел из пусковой шахты.

Внешние датчики почти сразу ослепли. Плотные потоки били по броне, царапали корпус, гнули микроскопические выступы, обжигали кислотой. Снаружи не было вида. Только данные: температура, давление, вибрация, угол вращения,

повреждения обшивки.

Гарпун закрутило.

Гироскопы завыли. Один из проходчиков выругался коротким шахтёрским скрежетом. 9-02 попытался поднять манипулятор, но фиксатор ударил его обратно в паз.

— Держать контуры закрытыми! — приказал Керн.

— Температура корпуса падает, — прохрипел Гарр. — Минус сорок делений. Минус пятьдесят.

— Топки на минимальное тление. Не отдавать тепло в броню.

— Если замёрзнут шарниры Гарпуна, коррекция не работает.

— Если мы сожжём себя сейчас, коррекция будет никому нужна.

Связь с Узлом пропала через несколько минут. Или через несколько вечностей. Внутри Гарпуна время потеряло меру. Были только удары. Холод. Скрежет. Рывки. Иногда корпус трясло так сильно, что казалось, он проходит не сквозь среду, а сквозь жернова.

Потом датчики изменились.

Сначала Керн решил, что это сбой. Индикатор внешней температуры дрогнул. Серый сигнал стал оранжевым. Затем красным. Давление среды начало падать.

— Мы вышли из плотного фронта? — спросил 9-02.

Симм бы сказал: невозможно.

Гарр сказал:

— Там тепло.

Керн подал энергию на передний обзорный щит. Тяжёлая броневая заслонка отъехала в сторону. Открылось узкое окно, защищённое многослойной прозрачной твердью.

Проходчики замолчали.

Ширр редел.

Это было неправильно. Внешняя среда, вечная, плотная, всепроникающая, расступалась перед чем-то впереди. Фиолетовые и зелёные потоки, ещё недавно бившие в броню, теперь отступали, испарялись, вытеснялись невидимым жаром. Вокруг Гарпуна образовалась область ясности. Не Брешь. Нет. Не отсутствие. Здесь всё ещё были частицы, пыль, газ, слабое сопротивление. Но по сравнению с обычным Ширром это пространство казалось невозможной тишиной.

А впереди росла Белая Масса.

Сначала она была стеной.

Потом — горизонтом.

Потом Керн понял, что даже слово «масса» слишком мало для того, что приближалось.

Перед ними плыл Белый Панцирь.

Он не был камнем. Не был льдом. Не был металлом. Его поверхность состояла из бесчисленных волокон, сплетённых в плотные пласты. Каждое волокно было толще транспортной жилы Сцепки. Они пересекались, уходили друг под друга, возвращались, образуя сложную тканую геологию, в ко-

торой не было ни одной естественной трещины. Белое не отражало свет Ширра. Оно словно удерживало его, гасило ядовитые оттенки и возвращало наружу ровное мягкое тепло.

Керн впервые за много стиров почувствовал, как его суставы двигаются легче.

— Накал подтверждён, — сказал Гарр тихо.

Гарпун прошёл над огромной складкой Белого Панциря. Для их масштаба она была горным хребтом. За ней поднималась выпуклая золотистая твердь.

Золотой Горизонт.

Он был гладким до невозможности. Ни пор. Ни царапин. Ни крошки. Ни признака естественного роста. В его поверхности отражались дальние потоки Ширра, но отражались слишком точно, без искажений, будто сама твердь не участвовала в хаосе среды. Она была вплавлена в Белый Панцирь ровной овальной границей, настолько правильной, что у Симма, будь он здесь, вероятно, отказала бы часть речевых функций.

9-02 прошептал:

— Это построено.

Никто не ответил.

Керн смотрел не на Золотой Горизонт. Его внимание ушло в сторону, туда, где от Белой Массы тянулся Мёртвый Корень.

Он был огромен. Ребристая жила, кольцо за кольцом, уходила в Ширр и обрывалась далеко впереди. Место разрыва

было грубым. Слои наружной брони разлохматились, внутренние каналы раскрылись, тонкие жилы торчали наружу, перекрученные и мёртвые. Когда-то Корень соединял Белую Массу с чем-то большим. Теперь он висел в среде, лишённый Накала.

Гарр сказал:

— Она была частью другого Дрейфа.

— Или была закреплена на нём, — ответил Керн.

— Тогда где он?

— Не здесь.

Они пролетели ближе к Золотому Горизонту. Керн видел теперь границу между ним и Белым Панцирем. Там проходил Чёрный Шов — глубокая матовая полоса, не похожая ни на волокна, ни на золотую твердь. Он опоясывал основание Горизонта, уходил по изгибу в обе стороны и казался самым слабым местом во всей видимой структуре.

— Вектор посадки, — сказал Керн. — Чёрный Шов.

— Поверхность неизвестна, — ответил Гарр.

— Поэтому не бьём в Золотой Горизонт. Не бьём в белые пласты. Шов мягче. Там будет сцепление.

— Или он нас проглотит.

— Тогда будем бурить изнутри.

Керн перевёл управление на ручную коррекцию. Гарпун вздрогнул, боковые заряды выплюнули короткие струи, и цилиндр начал снижаться к Белой Массе. Расстояние исчезало быстро. Слишком быстро. Белые волокна росли, превраща-

лись из линий в хребты, из хребтов в стены.

— Посадочные гарпуны, — приказал Керн.

— Дистанция мала.

— Сейчас.

Четыре вольфрамовых якоря выстрелили из носовой части.

Столкновение оказалось не таким, к какому они готовились.

Не было каменного удара. Не было искр. Не было раскола.

Белые волокна приняли якоря, разошлись под ними, а потом сомкнулись. Вся поверхность прогнулась, поглотила скорость, натянулась под Гарпуном, будто гигантская мембрана. На мгновение Керну показалось, что их отбросит обратно в Ширр, но тросы выдержали. Корпус подбросило, развернуло, ударило боком, снова прижало. Потом движение прекратилось.

Наступила тишина.

Не полная — полная тишина была бы Брешью. Но после рева Ширра и скрежета полёта эта тишина казалась почти нарушением реальности.

— Мы удержались, — сказал Гарр.

Керн отстегнул фиксаторы. Его суставы ответили болью. Один из внутренних насосов сбился, но восстановился. Он проверил Накал. Серый край отступил. Поверхность снаружи грела Гарпун.

— Выход.

Люк открылся не сразу. Наружные крепления заклинило после удара. Гарр вогнал в механизм наконечник 8-14-го и провернул. Металл застонал. Люк откинулся.

Керн первым вышел на Белый Панцирь.

Под когтями не было нормального грунта. Поверхность пружинила. Волокна не ломались, но принимали давление, перераспределяли его, удерживали. Керн попробовал вонзить щуп между двумя белыми жилами. Щуп вошёл неглубоко, дальше его остановило плотное переплетение. Он увеличил усилие. Волокно растянулось, но не порвалось.

Анализаторы не смогли классифицировать материал.

Не камень. Не металл. Не хитин. Не известный полимер. Не природная смола. Структура была сложной, многослойной, как если бы порода умела быть тканью, а ткань — бронёй.

Проходчики вышли следом. Они стояли на белой равнине и молчали. Даже Гарр молчал. Вокруг не было кислотного дождя. Не было режущего ветра. Ширр бушевал далеко, за прозрачной областью, оттеснённый жаром Белой Массы. Над ними поднимался Золотой Горизонт, огромный и гладкий. В стороне мёртвый Корень уходил в зеленовато-пурпурную мглу.

— Прайм, — сказал 9-02, — это не Дрейф.

Керн опустил на передние манипуляторы и провёл усамми по белым волокнам.

— Всё, что имеет массу, имеет геологию.

— А если геология сделана?

— Тогда кто-то уже выполнил за нас часть работы.

Он поднялся и пошёл к Чёрному Шву.

Путь был труднее, чем казалось из Гарпуна. Волокна ложились неровными валами, между ними зияли глубокие тёплые щели. Иногда поверхность уходила под ногами, иногда пружинила так сильно, что лёгких Сенсориков отбросило бы обратно. Проходчики двигались медленно, фиксируя когти в переплетении.

Чем ближе они подходили к границе Золотого Горизонта, тем сильнее становился фоновый Накал. Он шёл не снаружи. Он поднимался изнутри Белой Массы, проходил через волокна, через Чёрный Шов, через золотую твердь, расходился ровными волнами.

Керн приложил щуп к Золотому Горизонту.

Даже на минимальных оборотах алмазный наконечник взвизгнул и соскользнул, не оставив следа. На самом наконечнике появилась тупая светлая полоса.

— Непригодно, — сказал Гарр.

— Непроходимо, — поправил Керн. — Непригодного не бывает.

Он спустился ниже, к Чёрному Шву.

Там поверхность была другой. Не волокнистой. Не гладкой. Матовая чёрная полоса поддавалась под давлением. Керн ввёл вибро-щуп. Материал обхватил его плотно, вязко, будто холодная смола, но не сломал. Не оттолкнул. Не зату-

пил.

Анализаторы наконец дали полезный ответ: плотность ниже, сопротивление стабильное, теплопроводность высокая, структура эластичная.

— Здесь, — сказал Керн.

Гарр подошёл ближе.

— Шов держит Золотой Горизонт.

— Значит, он ведёт под него.

— Если нарушим герметичность, Масса может сбросить давление.

— Мы поставим шлюзовые створы.

— У нас один комплект.

— Значит, поставим правильно.

Гарр осмотрел Чёрный Шов. Его буровой манипулятор тихо загудел, словно сам просился в работу.

— Порода мягкая.

— Не называй это породой раньше времени.

Гарр повернул к нему линзы.

— Вы сами говорили: всё становится шахтой, если в него входит бур.

— Верно. Но хорошая шахта начинается с правильного имени.

Керн смотрел на Чёрный Шов и чувствовал, как в его Матрице складывается план. Гарпун станет временной базой. Якоря удержат платформу. На белых волокнах можно закрепить станины. Шов даст первый проход. Если под ним

есть внутренние слои, они возьмут пробы. Если тепло идёт из глубины, они найдут источник. Если источник велик настолько, как показывает Симм, Сцепка получит не просто отсрочку. Она получит новый дом.

Он поднял общий канал.

— Развернуть буровые станины. Гарпун закрепить восьмью дополнительными тросами. Белые волокна не резать без приказа. Опоры ставить на переплетение, не между жилами. Работать только по Чёрному Шву. Нужен ровный вертикальный ход шириной в два контура. Гарр — первый рез. 9-02 — контроль давления. Остальные — страховка и подача инструмента.

Проходчики ожили.

После долгих стиров умирающей шахты сам звук подготовки стал почти праздником. Металл ударял о металл. Крепления щёлкали. Тросы натягивались. Небольшие насосы запускались один за другим. Наконечник 8-14-го установили в главный буровой блок. Гарр закрепил его лично, без слов.

Керн смотрел, как старая кромка входит в новый материал.

Первый рез дал не искры, а густую чёрную стружку. Она тянулась длинными выющимися лентами, липла к буровым зубьям, дымилась и пахла незнакомой химией. Чёрный Шов сопротивлялся не как камень. Он не крошился, а тянулся, цеплялся, пытался сомкнуться за инструментом. Пришлось

повысить температуру резаков. Края прохода начали плавиться, вспухать пузырями и оседать вязкими складками.

— Соппротивление нестандартное, — доложил 9-02.

— Но режется, — сказал Гарр.

Это было всё, что требовалось проходчику.

Они работали долго. Время на Белой Массе ощущалось иначе. Не было смены ветра, не было шахтенного холода, не было привычной тяжести Серого Дрейфа. Только ровное тепло снизу и далёкий Ширр, оттеснённый за границу ясности.

Постепенно в Чёрном Шве появилась воронка. Затем узкий колодец. Потом — первый настоящий проход.

Керн спустился к краю и заглянул вниз.

Там, под чёрным слоем, что-то слабо отражало свет фонаря. Не камень. Не металл. Тонкая серебристая поверхность, гладкая и холодная на вид, но излучающая мягкий Накал. Она лежала под Швом как последняя преграда между внешней оболочкой и тем, что грело Белую Массу изнутри.

Гарр подошёл к краю.

— Ещё один пласт.

— Тонкий, — сказал Керн.

— Можем вскрыть сейчас.

Керн не ответил сразу.

Он положил манипулятор на край прохода. Через Чёрный Шов, через серебристый слой, через всю Белую Массу снизу шёл едва заметный ритм. Не удар. Не обвал. Не рабо-

та обычной топки. Скорее далёкое повторяющееся напряжение, слишком слабое для шахтенного слуха, но достаточно ровное, чтобы Матрица отметила закономерность.

Раз.

Пауза.

Раз.

Керн поднял вибро-усы.

— Вы чувствуете?

Гарр замер.

— Что?

— Повтор.

Проходчики один за другим прижали сенсоры к краю воронки. Некоторое время никто не говорил.

Потом 9-02 произнёс:

— Сейсмика?

— Возможно, — сказал Керн.

— Слишком ровная.

Гарр понизил голос:

— Прайм, если внутри активный процесс, вскрытие может изменить давление.

— Поэтому мы не режем вслепую.

Керн выпрямился и посмотрел на Золотой Горизонт. В нём отражались маленькие тёмные фигуры Тектов, их Гарпун, белые волоконные равнины и далёкий Ширр. Отражение было безупречным. Слишком безупречным для мёртвого мира.

Но Керн думал не о красоте.

Он думал о нижних ярусах Серого Дрейфа. О тёмных жилых сотах. О 8-14-м. О Гарре, который держал бур даже тогда, когда собственная топка уходила в серую зону. О миллионах контуров, ждущих тепла, которого больше не было.

Если под этой серебристой мембраной находился источник, они обязаны были войти.

Если Белая Масса сопротивлялась, значит, она имела, что защищать.

А всё, что имеет защиту, имеет ценность.

— Ставим временный шлюз, — сказал Керн. — Сообщение Симму: посадка успешна. Белая Масса реальна. Накал подтверждён. Внешняя оболочка сложная, искусственно ровная или неизвестного естественного происхождения. Золотой Горизонт непроходим. Чёрный Шов поддаётся резу. Под ним обнаружена серебристая мембрана и глубинный повтор.

— Формулировка для Векса? — спросил Гарр.

Керн посмотрел в узкий проход.

Снизу снова пришёл ритм.

Раз.

Пауза.

Раз.

— Формулировка для Векса простая, — сказал он. — Мы нашли вход.

Гарр сомкнул манипуляторы.

— Сплавимся вместе.

Керн ответил не сразу.

Он ещё слушал глубину.

— Сплавимся вместе, — произнёс он наконец.

И Белая Масса под их когтями тихо, почти незаметно, повторила свой далёкий ритм.

ГЛАВА 3. КРАСНЫЙ ПЛАСТ

Временный шлюз поставили за два рабочих ритма.

Для обычной выработки это было бы нарушением всех норм: слишком быстро, слишком грубо, слишком мало проверок на стабильность. Но обычные нормы создавались для миров, у которых ещё оставалось время. Серый Дрейф времени не имел.

На Белом Панцире работали без остановки.

Гарпун превратили в опорную станцию. Его корпус закрепили дополнительными тросами, вбитыми в переплетение белых волокон. К Чёрному Шву подвели насосы, распорные рамы, пневматические лебёдки и два малых генератора, собранных из аварийных блоков. Над пробитым колодцем подняли низкую арочную конструкцию из тёмного сплава. Она выглядела жалко на фоне Золотого Горизонта, но держала давление, а значит, имела право существовать.

Снаружи, за зоной тепловой ясности, Ширр бушевал по-прежнему. Его пурпурные и зелёные слои сталкивались, вспыхивали разрядами, рвались, снова смыкались. Но здесь, на поверхности Белой Массы, он казался далёким. Не безопасным — Ширр не мог быть безопасным, — но отодвинутым. Будто найденный мир не спорил со средой, а просто не признавал её главной.

Керну это не нравилось.

Всякая среда должна оказывать сопротивление. Всякий Дрейф должен подчиняться давлению Ширра. Белая Масса не подчинялась. Она держала собственный Накал, собственную форму, собственную внутреннюю математику. Для Сенсорика это было бы чудом. Для Проходчика — опасностью, которую ещё не успели правильно назвать.

Симм прибыл на втором малом Гарпуне.

Он вышел из капсулы шатко, с повреждёнными усами и трещиной на боковой пластине, но отказался от ремонта. Два помощника тащили за ним мобильный анализатор, сложенный из мембран, колб и тонких резонансных дуг. Едва ступив на белую поверхность, Симм опустил на передние манипуляторы и прижал вибро-усы к волокнам.

— Она не мёртвая, — сказал он.

Керн стоял у края Чёрного Шва и наблюдал, как рабочие подгоняют последнюю створку шлюза.

— Всё, что держит Накал, не мёртвое.

— Нет, Прайм. Я не об этом.

Симм поднялся. Его усы дрожали не от страха, а от перегруза данных.

— Белый Панцирь распределяет давление. Не просто выдерживает. Распределяет. Когда мы ставим опору, соседние волокна меняют натяжение. Когда бур входит в Чёрный Шов, края не осыпаются и не плавятся пассивно. Они пытаются сомкнуться. Эта структура не ведёт себя как геология.

— Значит, это хорошая геология.

— Или не геология.

Керн повернул к нему лицевой щиток.

Симм замолчал.

У Тектов были слова для мягкой породы, текучего металла, живого контура, бракованной Матрицы, активного реактора, теплового процесса. Но не было удобного слова для мира, который сам сохранял форму. Симм чувствовал проблему, но не мог достроить её до понятия.

Керн мог.

Понятие называлось: ресурс со сложной защитой.

— Мы не будем спорить с неизвестностью у входа, — сказал он. — Мы войдём внутрь и возьмём пробу.

— Я хочу присутствовать при вскрытии серебряной мембраны.

— Ты будешь стоять за вторым барьером.

— Прайм, если под ней активная среда, мне нужны первые данные до загрязнения выработки.

— Если под ней нестабильное давление, твой контур размажет по шлюзу раньше, чем ты назовёшь это открытием.

Симм наклонил голову. Формально — согласие. По частоте вибрации усов — нет.

Гарр спустился из верхней рамы. Его буровой манипулятор был покрыт чёрной вязкой стружкой. На главном блоке всё ещё стоял наконечник 8-14-го.

— Шлюз держит, — сказал он. — Вторичная створка закрывается без зазора. Насосы слабые, но для первого прохо-

да хватит.

— Давление?

— Внутри колодца выше внешнего на два деления. Стабильно. Серебряный пласт цел.

— Хорошо. Открываем.

Рабочие заняли позиции.

Чёрный Шов вокруг колодца выглядел раненым, хотя Керн отогнал это слово сразу, как только оно возникло в Матрице. Ранение — категория контура. У массива не бывает ранения. У массива бывает разрез, дефект, ослабление, нарушение целостности. Белая Масса была массивом, пока не доказано иное.

Он спустился первым.

Колодец, прорезанный в Чёрном Шве, уходил вниз всего на несколько корпусов, но ощущался глубже любой шахты Серого Дрейфа. Стены не звенели. Они гасили звук. Буровой металл не отдавал в них привычным эхом. Каждый скрежет становился коротким, мёртвым, будто материал не позволял вибрации распространяться свободно.

На дне лежала серебряная мембрана.

Она была тонкой, гладкой, почти невесомой на вид. Свет фонаря скользил по ней ровным пятном и возвращался холодным блеском. Но сенсоры Керна показывали: под ней тепло. Мягкое, стабильное, глубокое.

Гарр закрепил распорки по краям колодца.

— Готово.

Симм, стоявший за верхней створкой шлюза, включил анализатор.

— Прайм, прошу минимальный рез. Не прожиг. Не разрыв. Только вскрытие.

— Принято.

Керн активировал тонкий плазменный резак на правой клешне. Луч зашипел. Серебряная мембрана сначала не поддалась, потом вдруг разошлась узкой линией. Не треснула. Не лопнула. Просто уступила, оставив по краям мягко загнутые лепестки.

Из разреза вышло тепло.

Не жар плавильни. Не сухое дыхание реактора. Не горячий газ из термальной каверны. Это тепло было влажным, плотным и странно ровным. Оно обволакивало броню, проникало в сочленения, возвращало вязкой гидравлике движение. Керн почувствовал, как его Накал поднимается на несколько делений без флюкса.

Гарр тихо произнёс:

— Там целый источник.

Керн расширил разрез.

Серебряная мембрана открылась.

Под ней начинался Красный Пласт.

Сначала Керн решил, что перед ним мягкая минеральная формация, пропитанная тёплым конденсатом. Но уже через несколько мгновений понял: сравнение неверно. Минерал не отвечает на свет. Не меняет плотность от прикосновения шу-

па. Не сжимается вокруг опоры так, будто запоминает чужую форму.

Красный Пласт был влажным, слоистым, тёмно-алым в глубине и почти чёрным по краям, где его касалось холодное оборудование. Под фонарями он блестел. При давлении когтя — прогибался. При снятии давления — медленно возвращал форму. Когда Керн вонзил в него тонкий пробоотборник, поверхность дрогнула, выпустила прозрачный тёплый конденсат и попыталась сомкнуться вокруг металла.

— Прайм, — голос Симма пришёл по линии почти без помех. — Что вы видите?

Керн опустил ниже, поставив когти на Красный Пласт. Поверхность под ним приняла вес. Не обвалилась. Не раскрошилась. Не раскололась. Она словно уступила ровно настолько, насколько нужно, чтобы не быть разрушенной.

— Первый внутренний слой, — сказал Керн. — Мягкий. Тёплый. Влажный. Держит форму. Реагирует на давление.

— Реагирует?

— Не делай из слова открытие, Симм.

— Но вы сами сказали...

— Я сказал: реагирует. Так иногда ведут себя насыщенные пласты при смене нагрузки.

— Насыщенные пласты не закрывают пробой за инструментом.

Керн вытащил пробоотборник.

Края маленького отверстия действительно медленно схо-

дились. Не полностью, но достаточно явно, чтобы даже Гарр перестал двигаться.

— Зафиксируйте, — сказал Керн. — Но без выводов.

Симм не ответил. Анализатор наверху зашёлся быстрым щёлканьем.

Гарр спустился следом. Его тяжёлый контур продавил Красный Пласт глубже. Поверхность вокруг когтей напряглась, потемнела, но выдержала.

— Можно ставить малую станину, — сказал он.

— Не сразу. Сначала проба.

Керн поднял контейнер с конденсатом к сенсорам. Жидкость внутри была почти прозрачной, с едва заметным мутным оттенком. Она пахла солями, нагретым металлом и чем-то сладковатым, незнакомым. Анализатор на его наручном блоке выдал состав, не имеющий промышленной ценности: вода, соли, следы сложных органических соединений, слабый энергетический потенциал.

— Бедно, — сказал Гарр.

— Поверхностный слой, — ответил Керн. — Источник глубже.

Снизу пришёл повтор.

Не звук. Не вибрация в обычном смысле. Красный Пласт под когтями слегка напрягся, потом отпустил. Через несколько мгновений — снова.

Раз.

Пауза.

Раз.

Гарр поднял буровой манипулятор, будто готовился к обвалу.

— Сейсмика усилилась.

Керн опустил вибро-усы к поверхности.

Повтор был ровным. Слишком ровным для разлома. Он не шёл из одной точки. Он проходил через всё: через Красный Пласт, через Чёрный Шов, через белые волокна, через саму раму шлюза. Будто Белая Масса имела где-то в глубине огромный механизм, который не вращался и не бурил, но поддерживал движение всего найденного мира.

— Глубинный Ритм, — сказал Симм по линии.

— Предварительное название не является выводом, — ответил Керн.

— Тогда дайте другое.

Керн молчал.

Другого не было.

Рабочие расширили вход. Красный Пласт резался хуже, чем ожидалось. Не из-за твёрдости — из-за податливости. Бур не ломался, но вязнул. Лезвие входило, материал расходился, потом тянулся за ним, лип, пытался вернуться. Лазер давал обугленный край и резкий запах сложной химии. Механический рез оставлял более чистый проход, но требовал постоянного охлаждения инструмента.

Через половину ритма внизу колодца появилась первая настоящая камера.

Низкая, тесная, с красными стенами, которые не отражали звук и не давали нормального сцепления. При каждом повторе Глубинного Ритма стены едва заметно меняли напряжение. То сильнее сжимали распорки, то отпускали. Насосы фиксировали микроскопические перепады давления.

Симм всё-таки спустился.

Керн увидел его в проёме верхнего шлюза и сразу сказал:

— Я запретил.

— А я дождался, пока запрет станет устаревшим.

— Сенсорик.

— Прайм.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Гарр тихо скрежетнул, но вмешиваться не стал.

Симм ступил на Красный Пласт осторожно, почти с уважением. Его лёгкий контур оставлял неглубокие следы, которые медленно разглаживались за ним. Он опустился на все шесть опор, распустил усы и замер.

На этот раз он не говорил долго.

Это было тревожнее любых его восторгов.

— Ну? — спросил Керн.

— Структура повторяется.

— Уточни.

— В каждом участке. В каждом срезе. В каждом слое.

Мелкие каналы, мягкие волокна, жидкостные промежутки, упругие связки. Всё связано со всем. Это не месторождение с отдельными жилами. Это единая система распределения

нагрузки и тепла.

— Хорошо. Значит, если найдём главный канал, сможем подключиться к большой части Накала.

Симм медленно повернул голову.

— Вы слышали не то.

— Я услышал полезное.

— Я сказал: единая система.

— Система тоже может быть ресурсом.

— Да. Но если нарушить её слишком глубоко, она может потерять устойчивость целиком.

Керн посмотрел на красные стены камеры.

— Серый Дрейф потерял устойчивость уже давно. Миллионы контуров ждут решения не от твоих сомнений, а от нашей проходки.

— Я не предлагаю остановиться.

— Тогда что ты предлагаешь?

Симм провёл усами по Красному Пласту. Поверхность под ними едва дрогнула.

— Понять, прежде чем резать дальше.

Гарр издал короткий хриплый звук.

— Пока мы понимаем, нижние ярусы остывают.

— А если мы разрежем не тот слой?

— Тогда поставим распорки.

— А если распорки не помогут?

— Значит, поставим больше.

Симм не ответил. Его усы снова прижались к поверхно-

сти. Керн видел, как Сенсорик пытается сформулировать мысль, для которой в их языке ещё не было удобной формы.

Именно поэтому Керн не любил слишком долгие наблюдения. Они порождали слова, которые мешали работе.

Верхний канал связи щёлкнул.

Голос Векса пришёл с задержкой и тяжёлым фоном помех.

— Прайм-Проходчик Керн. Отчёт.

Керн включил общий контур передачи.

— Посадка успешна. Внешняя оболочка удерживает нагрузку. Через Чёрный Шов выполнен пробой. Под серебряной мембраной обнаружен Красный Пласт. Накал стабильный. Поверхностный конденсат беден, но глубинный источник подтверждён. Выработка расширяется.

— Пригодность для миграции?

Симм резко поднял усы.

Керн заметил это, но не изменил тона.

— Поверхность пригодна для закрепления временных станций. Давление стабильное. Температура благоприятная. Материал сложный, требует осторожной проходки.

— Осторожность не греет нижние ярусы.

— Нижние ярусы согреет ресурс, если мы не обрушим вход в первый же ритм.

В линии на мгновение стало тихо.

— Сколько контуров можно перебросить сейчас?

— Не более двух бригад и лабораторной группы.

— Мало.

— Больше сорвёт крепления Гарпуна и перегрузит шлюз.

— Я отправлю четыре.

— Тогда две из них будут бесполезным грузом на белой поверхности, а если начнётся смещение, мы потеряем всех.

Векс заскрежетал низко, почти без модуляции.

— Ты слишком быстро освоил язык владельца, Керн.

— Я освоил язык выработки.

— Хорошо. Две бригады. Но каждые полритма ты будешь докладывать о расширении зоны. Сцепка должна переходить. Серый Дрейф не проживёт долго.

— Принято.

— И ещё. Не позволяй Сенсорику превращать ресурс в храм.

Связь оборвалась.

Симм стоял неподвижно.

— Я слышал, — сказал он.

— Он рассчитывал на это.

— А вы?

— Я рассчитываю на то, что ты найдёшь нам безопасный путь глубже.

— Безопасный для кого?

Керн не ответил сразу.

Вопрос был странным. Неправильно сформулированным. Безопасность всегда считалась относительно Сцепки, бригады, инструмента, линии снабжения, Накала. Что ещё могло быть субъектом безопасности в выработке?

— Для нас, — сказал Керн.

Симм опустил усы.

— Да. Конечно.

Красный Пласт снова дрогнул под ними.

На этот раз сильнее.

Распорки тихо скрипнули. С потолка камеры сорвалось несколько капель тёплого конденсата. Одна упала на броню Керна и растеклась тонкой прозрачной плёнкой.

Гарр проверил крепления.

— Напряжение растёт.

— От нашего веса? — спросил Керн.

— Нет. Слишком равномерно. Идёт из глубины.

Симм приблизился к стене камеры. Его усы вытянулись вперёд.

— Это не обвал.

— Тогда что?

— Ответ.

Гарр повернулся к нему.

— Ответ чего?

Симм не успел сказать.

Красный Пласт вокруг нижней опоры внезапно сжался.

Не сильно. Не катастрофически. Но достаточно, чтобы зажать металлическую лапу распорки. Насосы завизжали. Рама дрогнула. Гарр бросился к креплению, включил обратную тягу, но материал уже держал опору вязким, плотным кольцом.

— Режь! — приказал Керн.

Гарр вогнал малый резак в красный слой. Край вспух, потемнел, выпустил струю тёплого конденсата. Давление на распорку ослабло. Опору удалось вытащить. На её поверхности осталась красноватая плёнка, быстро темнеющая на воздухе.

9-02, работавший у входа, отступил на шаг.

— Оно схватило раму.

— Материал деформировался при нагрузке, — резко сказал Керн.

— Прайм...

— Материал. Деформировался. При нагрузке.

Он произнёс это не только для 9-02.

Симм услышал.

Камера успокоилась. Глубинный Ритм вернулся к прежнему интервалу. Раз. Пауза. Раз.

Керн подошёл к месту, где Красный Пласт сжал опору. Поверхность там была повреждена. Края разреза медленно сходились, но теперь между ними проступала более тёмная линия. Из неё выделялась густая алая жидкость. Не прозрачный конденсат. Другая. Тяжелее. Горячее. Насыщеннее.

Керн опустил пробоотборник.

Жидкость втянулась в контейнер медленно, оставляя на стенках плотный рубиновый след.

Наручный анализатор мигнул.

Потом снова.

Потом выдал энергетический потенциал.

Гарр увидел цифры первым.

— Прайм...

Керн поднял контейнер к свету.

Внутри плескался густой Рубиновый Флюкс.

Он не был похож ни на один флюкс Серого Дрейфа. В нём было слишком много сложных связей, слишком много примесей, слишком много нестабильности. Но он горел в спектре анализатора так ярко, что даже Симм перестал дышать клапанами.

— Вот она, — сказал Гарр.

Керн смотрел на жидкость.

Первая настоящая жила.

Не поверхностный конденсат. Не бедная влага. Не тепло оболочки. Источник, который можно было собирать, очищать, подавать в топки, перегонять в плавильни. Источник, ради которого стоило пересечь Ширр.

Симм тихо сказал:

— Это вышло из повреждённого слоя.

— Все жилы выходят из повреждённого слоя, когда их вскрывают.

— Но слой пытался закрыться.

— Значит, флюкс под давлением.

— Прайм, я прошу зафиксировать: дальнейшая добыча без понимания системы может вызвать масштабную реакцию.

Керн закрыл контейнер.

— Зафиксируй. Потом рассчитай, как брать Рубиновый Флюкс без потери шлюза.

— Вы уже приняли решение.

— Я принял его на Сером Дрейфе, когда 8-14 ушёл в Креп.

Симм посмотрел на контейнер, потом на Красный Пласт.

— А если эта Масса тоже уходит в Креп, только медленнее?

Керн развернулся к нему.

— Нельзя уйти в Креп, не имея контура.

— Мы не знаем, что у неё есть.

— Тогда узнаем, разбирая.

Фраза повисла в тёплом воздухе камеры.

Даже Гарр не сразу двинулся.

Глубинный Ритм прошёл через Красный Пласт снова.

Раз.

Пауза.

Раз.

Керн поднял контейнер с Рубиновым Флюксом и включил канал на поверхность.

— Передайте Вексу, — сказал он. — Первая жила подтверждена. Энергетический потенциал высокий. Начинаем подготовку к добыче.

Наверху кто-то из рабочих коротко выкрикнул формулу Сцепки. Потом второй. Потом весь шлюзовой пост отозвал-

ся глухим, нарастающим скрежетом:

— Сплавимся вместе.

Гарр повторил.

9-02 повторил тише.

Керн не повторил.

Он слушал Красный Пласт.

В глубине Белой Массы Ритм продолжался. Ровный, терпеливый, огромный. Пока продолжался.

И впервые с момента высадки Керн почувствовал не только надежду.

Он почувствовал, что найденный мир не был пустым.

Но для этого ощущения у него ещё не было слова.

ГЛАВА 4. ПЕРЕХОД СЦЕПКИ

Первый контейнер Рубинового Флюкса отправили на Серый Дрейф через три рабочих ритма после вскрытия Красного Пласта.

Контейнер был малым, пробным, сваренным из аварийной обшивки Гарпуна и усиленным кольцами от старых буровых фиксаторов. Его наполнили не до конца: Симм настоял на компенсационной полости, Гарр назвал это страхом перед жидкостью, но Керн разрешил. Новая среда уже дважды показала, что не обязана вести себя согласно старым таблицам. Осторожность не была слабостью, пока не мешала добыче.

Когда контейнер закрепили в грузовой нише обратной капсулы, вокруг собрались все, кто находился на Белой Массе.

Проходчики стояли ближе к шлюзу. Их контуры были покрыты чёрной стружкой, красноватой плёнкой и белой пылью с поверхности Панциря. Сенсорики держались позади, у временной лаборатории, где мембраны уже были натянуты между опорами и дрожали от Глубинного Ритма. Несколько техников обслуживали насосы, но и они остановились, когда Гарр закрыл последнюю скобу на грузовом блоке.

Малый Гарпун поднялся с белых волокон рывком, неуклюже, почти нехотя. Его корректирующие заряды вспыхну-

ли, корпус качнулся, прошёл над Чёрным Швом и ушёл в сторону Серого Дрейфа. За пределами тепловой ясности его сразу проглотил Ширр.

Керн смотрел, пока датчики не потеряли сигнал.

— Если долетит, — сказал Симм, — они впервые за много стиров получат флюкс, не снятый с мёртвых контуров.

Гарр повернул к нему лицевой щиток.

— Он долетит.

— Я сказал не из неверия. Я сказал из точности.

— Точность тоже умеет пахнуть страхом.

Симм ничего не ответил.

Керн слушал удаляющийся сигнал капсулы, пока линия не растворилась в помехах. Внутри его Матрицы не было места молитве. Молитва предполагала, что где-то существует сила, которой можно передать ответственность. У Проходчика ответственность не передавалась. Её можно было только нести или сбросить вместе с контуром.

Через половину ритма связь с Серым Дрейфом ожила.

Сначала пришёл шум. Потом обрывки команд. Потом — голос Векса.

Он не был ровным.

— Контейнер принят.

Вокруг шлюза все замерли.

— Очистка начата. Флюкс нестабилен, но энергетический выход... — Векс оборвал фразу. На линии послышался низкий гул, множество голосов, затем резкий приказ кому-то в

стороне. — Энергетический выход превышает нижние оценки в семь раз.

Гарр медленно сжал манипуляторы.

9-02 издал короткий скрежет, похожий на срыв клапана.

Векс продолжил:

— Нижний тепловой контур частично восстановлен. Плавиля три запущена на малом режиме. Два жилых яруса сняты с отключения.

Молчание на Белой Массе стало плотным.

Потом кто-то из рабочих произнёс:

— Сплавимся вместе.

Ему ответили не сразу. Потом второй голос. Третий. Десятый. Формула пошла по внешней поверхности, по Чёрному Шву, по временным мосткам, по Гарпуну, по лабораторной раме. Она не была радостной. У Тектов не было звука для радости в человеческом смысле. Но в этих металлических голосах впервые за долгое время появился Красный Накал.

— Сплавимся вместе.

Керн не остановил их.

Он видел, как у Гарра поднялись вибро-усы. Как 9-02, ещё недавно говоривший о Бреши, выпрямил контур. Как техники ускорили движение манипуляторов, будто в их насосы уже поступил новый флюкс. Даже Симм, несмотря на тревогу, не мог отвести оптики от линии связи.

Серый Дрейф получил тепло.

Значит, всё было не напрасно.

Векс дал приказ о начале Перехода в тот же ритм.

Формально это называлось расширенной ресурсной экспедицией. Но все понимали, что слова выбраны для отчётов. Внутри Сцепки уже началось движение, которое не остановить: с Серого Дрейфа снимали пригодные станки, насосы, матричные блоки, резервуары, очищающие колонны, буровые рамы, ремонтные мастерские, спящие контуры, детские матрицы, архивы, калибраторы памяти, всё, что ещё можно было отделить от старого мира и бросить через Ширр к Белой Массе.

Первой прибыла вторая бригада.

Их Гарпун ударил в Белый Панцирь слишком близко к Золотому Горизонту. Один якорь сорвался, второй застрял в верхнем волоконном слое, корпус развернуло боком. Капсулу пришлось удерживать дополнительными тросами с основного поста. Двое проходчиков получили повреждения контуров при выходе, один потерял малый манипулятор, но никто не ушёл в Креп. На Сером Дрейфе это сочли бы удачей. На Белой Массе — тем более.

Потом пришла лабораторная капсула Симма.

Затем грузовой блок с насосными секциями.

Затем ещё две капсулы с рабочими.

Белая поверхность, недавно пустая и невозможная, начала покрываться конструкциями Сцепки.

Вокруг Чёрного Шва выросли первые платформы. Их ставили на белые волоконные гребни, фиксировали когтями,

растяжками, термоклеем и распорными дугами. Между Гарпуном и шлюзом протянули подвесной мост. Над пробитым колодцем установили второй защитный купол. Рядом появилась плавильная печь малого цикла, не для полной переработки, а для ремонта инструмента. Сероватые выхлопные трубки поднялись над белой равниной, и впервые чужой дым лёг на тёплую оболочку найденного мира.

Керн наблюдал за строительством с верхней рамы.

Он видел порядок. Порядок всегда успокаивал Матрицу. Там, где были тросы, опоры, смены, графики, углы бурения и расход флюкса, неизвестность становилась меньше. Не исчезала, но получала форму.

Симм видел другое.

— Белые волокна меняют натяжение, — сказал он, подходя к Керну.

— Под нагрузкой. Это ожидаемо.

— Не только под нагрузкой. В стороне от платформ тоже. Смотрите.

Он вывел на переносной кристалл карту поверхностных колебаний. Керн увидел сеть линий, расходящихся от Чёрного Шва и новых опор. Часть линий совпадала с нагрузкой. Часть нет. Они уходили дальше, в белые равнины, словно поверхность передавала сведения о повреждении куда-то глубже.

— Это перераспределение напряжения, — сказал Керн.

— Возможно.

— Если возможно, зачем ты пришёл?

— Потому что оно происходит с задержкой.

Керн повернулся.

— Объясни.

— Сначала Белый Панцирь принимает нагрузку. Потом через некоторое время меняет натяжение участков, которые мы не трогали. Затем Глубинный Ритм слегка меняет интервал. Потом натяжение возвращается. Это похоже не на простое сопротивление материала, а на цикл регуляции.

— Новый термин?

— Наблюдение.

— Наблюдение принято. Вывод?

Симм посмотрел на Чёрный Шов, где рабочие опускали в колодец очередную секцию трубы.

— Если Масса способна регулировать ответ, она может усиливать его.

— Тогда мы будем усиливать крепления.

— Прайм, вы всё переводите в язык механики.

— Потому что механика работает.

— До тех пор, пока объект является механизмом.

— Всё, что действует по повторяющимся законам, можно сделать механизмом для Сцепки.

Симм хотел возразить, но в этот момент из нижнего шлюза пришёл сигнал.

— Прайм! Давление в камере Красного Пласта выросло на три деления. Нижняя труба зажата.

Керн сразу пошёл к спуску.

— Гарр?

— Уже внизу, — ответил диспетчер.

В Красном Пласте стало жарче.

Керн почувствовал это сразу, как прошёл вторую створку.

Воздух в камере был плотным, влажным, насыщенным запахом реза, тёплого конденсата и Рубинового Флюкса. Стены, недавно просто податливые, теперь казались напряжёнными. Они не двигались явно, но весь проход был как натянутый трос перед разрывом.

Гарр стоял у нижней трубы. Металлический цилиндр, по которому флюкс должен был подниматься к насосам, оказался зажат Красным Пластом. Материал сомкнулся вокруг него плотным кольцом, оставив лишь узкий зазор. Насос работал вхолостую, стрелки давления скакали.

— Когда началось? — спросил Керн.

— После второго отбора. Первый прошёл чисто. На втором поток стал гуще. Потом Пласт начал сжиматься.

— Резали?

— Малый рез. Он сомкнулся быстрее.

Керн подошёл ближе. Красный Пласт вокруг трубы потемнел, стал почти багровым. Из нескольких тонких разрывов выступал Рубиновый Флюкс. Он не тёк свободно, а просачивался толчками, совпадая с Глубинным Ритмом.

Раз.

Пауза.

Толчок.

Раз.

Пауза.

Толчок.

Симм, спустившийся следом, застыл у входа.

— Вы берёте его не из жилы.

— А из чего? — спросил Гарр резко.

— Из движущейся системы.

— Жила тоже движется, если в ней давление.

— Не так.

Керн поднял манипулятор, останавливая спор.

— Решение.

Гарр ответил сразу:

— Расширить разрез вокруг трубы. Поставить жёсткое кольцо. Подать тепло на края, чтобы материал не смыкался.

Симм сказал:

— Снизить отбор. Дать Пласту стабилизироваться. Измерить интервал Ритма до и после.

Гарр повернулся к нему всем корпусом.

— На Сером Дрейфе снова гаснут ярусы.

— Я знаю.

— Нет, Сенсорик. Ты считаешь это строкой отчёта. А я видел, как 8-14 стал камнем. Видел, как в жилых сотах закрывали клапаны детям с малыми Матрицами, потому что у них меньше производственная отдача. Видел, как бригада выбирала, кому дать смазку, а кому приказать держаться на

сухом суставе. Не говори мне про стабилизацию, пока там считают тепло по последним искрам.

Симм не отступил.

— Именно поэтому нельзя обрушить единственный источник.

— Он не обрушится от трубы.

— Мы не знаем.

— Ты ничего не знаешь, пока не разрежешь.

— А ты ничего не оставляешь целым, чтобы узнать.

Гарр шагнул к нему, но Керн встал между ними.

— Достаточно.

Глубинный Ритм снова прошёл через камеру.

На этот раз свет мигнул.

Не лампы. Фонари Тектов работали от собственных блоков. Мигнул сам влажный отблеск на стенах, будто Красный Пласт на мгновение изменил внутреннюю плотность.

Керн заметил. Симм тоже.

Гарр — нет или сделал вид, что нет.

— Отбор снизить на треть, — сказал Керн. — Трубу не вынимать. Рез вокруг зажима расширить на минимальную глубину. Поставить кольцо. Симм — фиксируешь Ритм. Гарр — держишь трубу. Если давление поднимется ещё на два деления, останавливаем насос.

Гарр хотел возразить.

Керн посмотрел на него.

— Это приказ.

— Принято.

Работа заняла почти весь ритм.

Красный Пласт сопротивлялся. Не как противник. Противник имеет направление. Здесь сопротивление было средней. Мягкой, вязкой, настойчивой. Каждый раз, когда резак освобождал трубу, края начинали сходиться. Приходилось вставлять временные клинья, потом расширять проход, потом быстро монтировать кольцо, пока материал не зажал инструмент. Несколько раз поверхность выделяла прозрачный конденсат, затем снова Рубиновый Флюкс. Один рабочий получил ожог клапанов от горячей струи. Другому зажал маленький манипулятор; его вытащили, но две фаланги остались в Красном Пласте.

Когда кольцо наконец встало, насос дал устойчивый поток.

Не сильный, но достаточный.

Рубиновый Флюкс поднялся по трубе наверх, прошёл через первичный фильтр и наполнил второй контейнер.

На Серый Дрейф ушло сообщение: добыча начата.

Ответ пришёл не от Векса.

Ответ пришёл от нижних ярусов.

Сначала это был неразборчивый шум. Потом кто-то из старых диспетчеров, нарушив протокол, открыл общий канал и передал фоновую линию жилого сектора.

Керн услышал звуки, которых на Сером Дрейфе давно не было.

Рабочие насосы.

Движение транспортных лент.

Гул малой плавильни.

Резонаторы детских Матриц, проходящих прогрев.

Старый мир не ожил. Ещё нет. Но он перестал умирать прямо сейчас.

Гарр слушал, не двигаясь.

Даже Симм опустил усы.

На несколько мгновений все споры стали меньше этого звука.

В тот же цикл Векс объявил Белую Массу новым стратегическим ядром Сцепки.

Формулировка пришла длинная, тяжёлая, с печатями Совета Управленцев, хотя никакого настоящего совета уже не было. Векс говорил о спасении, рациональном перераспределении, историческом долге, превосходстве геологической воли Сцепки над хаосом Ширра. Он называл Керна Праймом Первого Пробоя, Симма — старшим классификатором новой среды, Гарра — десятником основной добывающей линии.

Потом приказал увеличить отбор Рубинового Флюкса в четыре раза.

Керн прочитал приказ дважды.

После второго раза передал Симму.

Сенсорик даже не стал скрывать частотный сбой.

— Это невозможно.

— Возможно, если расширить трубу и поставить вторую линию.

— Прайм, Красный Пласт едва стабилизировался после первой.

— Я знаю.

— Тогда вы понимаете, что четыре раза — это не увеличение. Это вторжение в систему, которую мы не описали.

— Мы уже вторглись.

— Тогда можно хотя бы не делать это слепо.

Керн закрыл приказ.

— Векс не был внизу. Он слышит только цифры.

— А вы были.

— Да.

— И?

Керн долго молчал.

Через открытую створку было видно, как над Чёрным Швом ставят новые платформы. Прибывшие рабочие разгружают ящики. Из второго Гарпуна вытаскивают тонкие детские матричные блоки в защитных капсулах. Один техник, слишком слабый после перелёта, садится прямо на белые волокна и долго не может подняться. Другой помогает ему, хотя сам держится на Сером Накале.

Дальше, за ними, Золотой Горизонт отражал всю эту суету безучастно и идеально.

— И мы увеличим отбор вдвое, — сказал Керн. — Не в четыре.

Симм повернулся.

— Векс потребует объяснений.

— Я объясню нестабильностью креплений.

— Это не вся правда.

— Это та часть правды, которую он способен принять.

Симм тихо щёлкнул манипуляторами.

— Вы учитесь языку управленцев.

— Я использую его против них.

— Главное — не начать думать на нём.

Керн ничего не ответил.

Переход продолжался.

В следующие стирь Белая Масса менялась на глазах.

Там, где прежде лежали чистые белые волокна, теперь стояли ряды временных жилых модулей. Они были тесными, грубо сваренными, но тёплыми. Для прибывающих с Серого Дрейфа этого было достаточно. Текты выходили из капсул с потускневшими панцирями, с заклинившими суставами, с пустыми резервуарами, но уже через несколько ритмов на Белой Массе их контуры начинали двигаться легче. Фоновый Накал делал то, что не могли сделать последние пайки флюкса: возвращал телам рабочую плавность.

Плавильня малого цикла стала средней.

Потом рядом поставили вторую.

Над Чёрным Швом выросла вышка центрального насоса. От неё вниз уходили две трубы, обвитые теплоизолирующей и страховочными тросами. Вокруг работали смены Гар-

ра. Рубиновый Флюкс поднимался порциями, проходил через фильтры, терял часть нестабильных примесей и уходил в контейнеры. Каждый контейнер, отправленный на Серый Дрейф, продлевал старому миру жизнь. Каждый контейнер, оставленный на Белой Массе, расширял новый пост.

Сцепка начала называть это не экспедицией.

Сначала тихо, между рабочими:

Новый Накал.

Потом в отчётах:

Объект Переселения.

Потом в приказах Векса:

Белый Дрейф.

Керну название не нравилось.

Дрейф — это масса, которую можно истощить и покинуть.

Белая Масса не была обычным Дрейфом.

Но другого имени, которое не мешало бы работе, он не предложил.

Симм тем временем собрал первую карту внутреннего отклика.

Она висела в его лаборатории в виде трёхслойной проекции: сверху — Белый Панцирь и платформы Сцепки; ниже — Чёрный Шов и шлюзовые ходы; ещё ниже — Красный Пласт с трубами, камерами, зажимами и зонами повышенного напряжения. По всей карте медленно расходились волны, совпадающие с Глубинным Ритмом. После каждого отбора флюкса интервал Ритма менялся на ничтожные доли,

но менялся.

Симм показывал это Керну каждый день.

Керн смотрел.

Кивал.

И требовал практический вывод.

— Практический вывод, — сказал Симм на четвёртый раз, — в том, что Ритм связан с распределением Рубинового Флюкса. Если отбор растёт, Ритм ускоряется. Потом компенсирует. Потом замедляется.

— Предел?

— Неизвестен.

— Значит, ищи предел.

— Предел в таких системах часто узнают в момент разрушения.

— Все пределы узнают так.

— Нет, Прайм. Некоторые можно не проверять.

Керн посмотрел на карту.

В центре Красного Пласта, глубже их выработки, пульсировала слабая зона плотного сигнала. Не источник, ещё нет. Только направление. Возможно, там проходила большая жила. Возможно, узел распределения. Возможно, тот самый центр, который держал Накал Белой Массы.

— Как добраться сюда? — спросил он, указывая на зону.

Симм замер.

— Я только что говорил о риске.

— Я слышал. Теперь говори о маршруте.

— Вы невыносимы.

— Я функционален.

— Функциональность без понимания — это авария с задержкой.

— Понимание без действия — Креп с красивым отчётом.

Симм отвёл усы.

— Нужно идти не напрямую. Красный Пласт слишком нестабилен. Есть зоны с более плотной структурой. Они держат форму лучше. Если проложить ход по ним, можно снизить реакцию среды. Но это медленнее.

— Насколько?

— В три раза.

— Неприемлемо.

— Тогда в два, если использовать старые кольца от транспортных тоннелей и не ставить тяжёлые станины.

— Гарр скажет, что без тяжёлых станин проходка будет слабой.

— Гарр режет всё, что не успевает назвать.

— Поэтому он жив.

— Пока.

Керн посмотрел на Сенсорика.

— Составь маршрут в два раза медленнее. Я заставлю Гарра ругаться.

— Это уже прогресс.

— Не называй осторожность прогрессом. Она просто иногда выгодна.

К вечеру прибыл первый модуль с детскими Матрицами. Его разгружали без шума.

Даже самые грубые проходчики двигались осторожно. Малые Матрицы хранились в шестигранных контейнерах с собственным подогревом и мягкой вибрацией. На Сером Дрейфе эти контейнеры уже начали отключать по очереди, чтобы сохранить энергию взрослым рабочим контурам. Векс называл это рациональным ожиданием. Проходчики называли иначе, но не по открытым каналам.

Теперь контейнеры стояли на Белом Панцире.

Тёплая поверхность под ними мягко прогибалась. Техники подключали новые линии питания. Индикаторы один за другим переходили из серого в оранжевый.

Керн стоял рядом, пока последний контейнер не вышел на стабильный режим.

Из внутреннего динамика одного блока донёсся слабый тестовый сигнал молодой Матрицы. Нечёткий, дрожащий, ещё не оформленный в речь. Просто признак будущего контура.

Гарр, стоявший позади, тихо сказал:

— За это можно резать глубже.

Керн не ответил.

Симм, неожиданно тоже присутствовавший при разгрузке, сказал:

— За это особенно нельзя резать слепо.

Гарр посмотрел на него.

На этот раз не с раздражением.

— Главное, чтобы ты не остановил нас совсем, Сенсорик.

— Я не хочу остановить.

— А чего хочешь?

Симм долго смотрел на контейнеры с малыши Матрица-ми.

— Чтобы, когда они получают контуры, им не пришлось спасаться от нашей победы.

Гарр не нашёл ответа.

Керн сделал вид, что не услышал.

Но фраза осталась в Матрице.

На пятый стир Белая Масса ответила сильнее.

Это произошло во время расширения второй линии добычи. Гарр вёл смену лично. Керн находился в верхнем штабе, разбирая график прибытия новых капсул. Симм был в лаборатории, где пытался связать скачки Глубинного Ритма с объёмом отбора.

Сначала пришёл сигнал от нижнего поста:

— Давление растёт.

Потом:

— Красный Пласт сжимает вторую линию.

Потом крик 9-02:

— Опора ушла! Опора ушла внутрь!

Керн уже бежал к шлюзу, когда весь Белый Панцирь под ногами дрогнул.

Не сильно. Не как обвал. Скорее как огромный, сдержан-

ный спазм, прошедший через всю поверхность. Платформы закрипели. Один малый модуль сорвался с крепления и повис на тросах. На лабораторной раме лопнула стеклянная колба. Над Чёрным Швом ударил аварийный сигнал.

Керн спустился вниз через первый шлюз, потом через второй, почти не касаясь ступеней.

В камере Красного Пласта царил хаос.

Вторая труба была смята. Не сломана внешним ударом — именно сжата со всех сторон. Металл ушёл внутрь, как мягкая оболочка под прессом. Две распорки вырвало из креплений. Один проходчик лежал у стены, его нижние ноги были зажаты Красным Пластом до половины сочленений. Гарр резал материал вокруг него, но края снова сходились.

— Не глубоко! — крикнул Симм от входа. — Если прожжёшь ниже, откроешь флюкс под давлением!

— Тогда скажи, как резать! — рявкнул Гарр.

Симм бросился к стене, прижал усы к Красному Пласту, потом указал тонким манипулятором.

— Здесь. По светлой линии. Не поперёк, вдоль напряжения.

Гарр, к его чести, не спорил.

Резак пошёл по указанной линии. Красный Пласт разошёлся легче. Зажатый проходчик смог выдернуть одну ногу, потом вторую. Панцирь на сочленениях был раздавлен, но контур держал Накал.

Керн подхватил его и передал наверх.

— Потери?

— Один тяжёлый. Двое средних повреждений. Вторая труба мертва, — доложил Гарр.

— Флюкс?

— Поток перекрыт самой средой.

Симм поднял голову.

— Не средой. Системой.

Керн резко повернулся.

— Сейчас не время.

— Именно сейчас время. Она перекрыла повреждённую линию.

— Красный Пласт сжал трубу.

— После скачка давления. После превышения отбора. После изменения Ритма. Это последовательность.

— Ты говоришь так, будто она приняла решение.

Симм замер.

В камере стало слышно только аварийное шипение насоса и Глубинный Ритм.

Раз.

Пауза.

Раз.

На этот раз интервал был короче.

— Я говорю, — медленно произнёс Симм, — что если бы это была обычная выработка, я бы назвал происходящее активной компенсацией повреждения.

— Но это не обычная выработка.

— Да.

— Поэтому назовём это нестандартной компенсацией.

Симм едва заметно опустил усы.

— Вы боитесь слова не меньше, чем Гарр боится Бреши. Керн шагнул к нему.

— Я боюсь только одного: что миллионы контуров остынут, пока ты ищешь красивое имя для сопротивления поро- ды.

— А я боюсь, что мы спасём их на поверхности того, что научится нас отторгать.

Слова были неправильные.

Отторгать — термин ремонтников, иногда Сенсориков, редко медиков контуров. Его не применяли к Дрейфу. Дрейф не отторгает бур. Он либо держит, либо оседает, либо крошится, либо даёт ресурс.

Керн не ответил.

Он подошёл к смятой трубе и положил на неё манипулятор. Металл был горячим. Красный Пласт вокруг него медленно светлел, словно напряжение уходило. Из трещины больше не выделялся Рубиновый Флюкс.

Белая Масса закрыла вторую линию.

Факт был неприятен, но полезен.

— Вторую линию списать, — сказал Керн. — Первую оставить на половинном отборе. Новые трубы не ставить до расчёта Симма. Гарр, перевести смену на укрепление камеры. 9-02 — доклад по повреждениям. Симм — ко мне.

Они поднялись наверх молча.

Снаружи Белый Панцирь выглядел прежним. Волоконные равнины уходили к Золотому Горизонту. Ширр бился за границей тепловой ясности. Модули Сцепки стояли, дымили, гудели. Детские Матрицы получали питание. Плавильни работали. Контейнеры флюкса ждали отправки.

Всё выглядело как начало спасения.

И только под ногами теперь чувствовался Ритм.

Раньше он был едва заметен. Теперь Керн слышал его даже через белые волокна.

Раз.

Пауза.

Раз.

Симм стоял рядом.

— Вы тоже слышите, — сказал он.

— Да.

— Он изменился.

— Да.

— И всё равно вы продолжите.

Керн посмотрел на прибывающую с Серого Дрейфа новую капсулу. Её корпус был старым, плохо герметизированным. На боковой пластине виднелась маркировка нижних жилых ярусов. Из неё выйдут те, кого вчера ещё собирались отключить.

— Да, — сказал Керн.

Симм не стал спорить.

Иногда спорить было нечем. Не потому что оппонент прав. Потому что обе правды стояли друг против друга и обе имели вес.

Капсула ударила в Белый Панцирь тяжело, но удержалась.

Когда створы раскрылись, наружу вышли первые переселенцы нижних ярусов.

Их контуры были серыми, тонкими, многие с повреждениями, некоторые без вторичных манипуляторов. Они двигались медленно, оглядываясь на белую поверхность, на Золотой Горизонт, на платформы, на трубы, по которым поднимался Рубиновый Флюкс. Один из них опустился на колени и прижал усы к тёплым волокнам.

— Накал, — произнёс он.

Одно слово.

Керн услышал в нём всё: шахты, холод, отключённые ярусы, разобранные контуры, страх Крепа, ожидание конца. И то, что конец отступил.

Он понял, что будет продолжать.

Даже если Симм прав.

Даже если Белая Масса не просто Дрейф.

Даже если у найденного мира есть ответ.

Потому что Сцепка уже стояла на нём.

А мир, на котором стоит Сцепка, становится шахтой.

Керн поднял общий канал.

— Всем прибывшим пройти прогрев и регистрацию. Рабочие контуры — к распределению по сменам. Повреждённые

ные — в ремонтный модуль. Матричные блоки — в тёплый сектор. Без допуска к Чёрному Шву не приближаться. Повторяю: без допуска к Чёрному Шву не приближаться.

Он отключил канал и посмотрел на Симма.

— Строй маршрут к глубинной зоне.

— Медленный?

— Самый быстрый из безопасных.

— Это разные вещи.

— Тогда найди место, где они совпадают.

Симм устало опустил усы.

— Я попробую.

— Не пробуй. Рассчитай.

Симм ушёл к лаборатории.

Керн остался на раме над Чёрным Швом.

Внизу работали насосы. Наверху прибывали переселенцы.

По белым волокнам расходилось тепло, которого не было на Сером Дрейфе. Где-то глубже Красный Пласт закрывал повреждённую линию и держал свой изменившийся Ритм.

Белая Масса не молчала.

Но пока она не остановила их.

А значит, проходка продолжалась.

ГЛАВА 5. ГЛУБИННЫЙ МАРШРУТ

Маршрут Симма был некрасивым.

Керн понял это сразу, едва увидел проекцию. Хорошая выработка всегда стремится к прямой: вход, угол, уклон, цель, крепление, транспорт. В прямой линии есть дисциплина. В прямой линии есть уважение к инструменту. Но карта, которую вывел Сенсорик над рабочим кристаллом, напоминала трещину, сделанную испуганным буром.

Линия уходила от камеры Красного Пласта не вниз, где пульсировала плотная зона глубинного сигнала, а в сторону. Огибала участки повышенного напряжения. Поднималась на несколько прогонов по более плотному красному слою. Потом снова уходила глубже, но не через мягкие пласты, а вдоль тёмных тяжей, которые Симм называл опорными волкнами. Затем линия делала длинный изгиб, почти возвращаясь к Чёрному Шву, и только после этого приближалась к области, где, по расчётам, мог проходить крупный источник Рубинового Флюкса.

Гарр смотрел на проекцию так, будто она оскорбила его бур.

— Это не маршрут, — сказал он. — Это путь для бракованного инструмента, который боится породы.

— Это путь, который не вызывает резкого отклика среды,

— ответил Симм.

— Среда откликается, потому что мы её трогаем. Если трогать дольше, она будет откликаться дольше.

— Если трогать резко, она сожмёт проход.

Гарр поднял буровой манипулятор.

— Тогда мы расширим проход.

— Тогда она сожмёт большую область.

— Тогда поставим рамы.

— Тогда она перенесёт напряжение дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.